

Вес. клуб-2002, - 28 февр. - с. 7

Молодежный филолог, акын, и скоморох. Его творчество вызывает противоположные реакции: одни считают откровенным кичем, другие находят постмодернистские прозрения. Между тем с завидной периодичностью выходят его диски. Последний — «Цветочки». Псою Галактионовичу можно отказать в музыкальной изощренности, но в литературной он собаку съел: филологический факультет МГУ, преподавание русской литературы в Гуманитарном институте телевизионных работников, защита кандидатской диссертации о Владимире Короленко, написание учебника для абитуриентов.

— Как бы вы определили самую актуальную проблему современной культуры?

— В кризисной ситуации находится жанр песни и само понятие песни. Нет той системы координат, в которой песня чувствовала бы себя уютно, раскованно. Сейчас она вытесняется бессловесными музыкальными проектами. Короче говоря, распадается песенность песни. Как писал блаженный Августин, песня отображает полноту целого и помогает думать о времени. Отсюда и мои собственные поиски. Как себя подать? С одной стороны, зритель и слушатель имеет дело с интеллектуалом, славистом, который занимается современной культурой и работает с разными песенными традициями. С другой стороны, все знают, что я сам сочиняю песни, и в них, как в коктейле, неожиданно сталкиваются противоречивые стили. Я хотел бы понять, что вообще стоит за песней в разных культурных пространствах.

— Можно хоть как-то обозначить ваше направление?

— Витальность, дионисийство, но и не только это. Есть желание проникнуть в философию песни.

— Верно ли работу в разных жанрах связывать с постмодерном?

— В принципе, возможно. Но все мной производимое не вполне вписывается в задаваемые рамки. Постмодернизм, на мой взгляд, уже сделал свое дело: расшатал все традиционные устои и существующие системы ценностей. В качестве одного из форматов я предлагаю песню как художественный объект, как инсталляцию. Этим объясняется мое участие в проектах, связанных с современным искусством, совместные акции с Ириной Вальдрон, Алексеем Шульгиным и другими современными художниками.

— В общем, все это можно на-

Псой Галактионович КОРОЛЕНКО

СКОМОРОХ НА КАФЕДРЕ

звать перформансом, концептуализмом?

— Можно, но не до конца. Другой вариант: я — бард, так как в песнях имеется лирическое высказывание. Кроме того, в современной музыке есть очень захватывающая меня волна восточно-европейского и еврейского фольклора, вообще этнической музыки. Я работаю с национальными архетипами. Это выведение фигуры харизматического автора-исполнителя: выход из «игры в бисер» в сферу новой искренности и душевности, это сочетание интеллектуальной рефлексии и спонтанности, это интеграция в другие жанры, такие, как литература, театр, кино, это соединение высокой поэзии с масскультом и фольклором.

— Известно, что вы прогуливались по Нью-Йорку и Манхэттену со своим раздолбанным синтеза-

тором-«гармохой», представляя себя бродячим музыкантом. Это был рассчитанный эпатаж?

— Нет, меня действительно увлекает реальное скоморошье пение в сочетании с еврейскими, американскими и другими неожиданными контекстами. Мне, например, интересно вынести уличный формат на клубную сцену и академическую кафедру. Пение в университетской аудитории — тоже своего рода акция. На клубную сцену и университетскую кафедру привносятся образ уличного скомороха. Это называется молодежный «акын». У меня есть предшественники. Допустим, был Том Лерер и другие университетские барды, но они, однако, не исполняли под музыку свои лекции, а я это делал, но не смеха ради, а возрождая в новом виде что-то вроде вагантов и так далее. Настоящих ва-

гантов сейчас нет. Я же был странствующим ученым с гармохой, исполнял лекции в ночных клубах и песни на ученых конференциях.

— В любом случае на любовь широких народных масс здесь рассчитывать не приходится?

— Маргинальность — великая сила. Теперь уже покойный философ Пьер Бурдьё выделял особое явление, «заинтересованность в незаинтересованности». Есть такой механизм в культуре: кто маргинал сегодня вечером, тот завтра утром классик. Но, кстати, поскольку у меня нет особого риска превратиться в попсу или в коммерческий мейнстрим, то я не возражал бы против некоторого расширения аудитории за счет каких-то еще незатронутых кругов. Для этого стоило бы, например, хорошенько проехаться по России.

— Ваш альбом «Песня про Бога» многих смущает не очень то остроумными насмешками над чувствами верующих, другим, наоборот кажется, что это очень плоская популяризация веры (как, например, у баптистов).

— Баптистов действительно немного пародирую. Но только для того, чтобы выявить в них то искреннее чувство, которое они сами у себя упустили. Что касается насмешек, то это исключено. Скорее мне важно выявить весь спектр чувств, который испытываешь, стоя перед лицом Высшей Реальности. Скоморох характерен тем, что показывает публично свои эмоции. Это может быть растерянность, страх, незащищенность, надежда, мольба, все что угодно — только не насмешки.

— Название нового диска «Фиоретти» («цветочки») связано с именем святого Франциска Ассизского. Он оформлен под позднее Средневековье. Вас особенно привлекает это время?

— Тогда проявился интерес к фольклору со стороны элиты. Фольклор стал объектом науки. Скоморох же осознан как культурная ценность. Кроме того, достигает своего пика карнавальная культура, появляются публичные анатомические театры, по Европе странствует множество бродячих поэтов, музыкантов, трубадуров, скоморохов, шарлатанов, зубодеров и тому подобной публики. Словом, тут есть весь спектр моих собственных нынешних интересов.

— Оказал ли на вас влияние писатель, чью фамилию вы сделали своим псевдонимом?

— Владимир Короленко писал о «дневном» страхе перед бытовым и общественным злом. Но особенно страшным был для него другой страх: глубинный, детский, ночной, мистический. Назовем это для порядка внутренним Средневековьем. Этот страх и стремление его переселить — главная тема писателя Короленко.

Встречалась
Галина ФАЙНГОЛЬД

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ

Псой Короленко. Тексты песен из альбома «Цветочки»

ПУШКИН

Что-то смолкнул веселия глас? Раздавайтесь, пасхальны припевы! И да здравствуют юные девы — или жены, любившие нас. Золотое густое вино в свой граненый стакан наливайте! В круг заветные кольца бросайте! Вспоминайте все то, что вам было дано! Эротический список, этих цыпок и кисок, несерьезных кокоток и скверных коке-ток, и злобных блондинок, и добрых брюнеток...

В общем, участь моя решена. Тяжкий труд мой окончен — в дорогу! Счастья нет, но кому-то взамен, слава Богу, есть покой, а кому и война. Как тревожно к обедне звонят! Дай, Никита, скорей мне одеться... Пей, мой добрый Никита, горит мое сердце. В этой кружке не vodka, а медленый яд. C'est le hymne bachique, oh, oh. C'est le liste erotique, oh, oh. C'est un shla-guer mystique d'une vie infer-

nale, la lutte finale d'ma ville natale, oh, oh...

На окошках узоры зимы. Послезавтра уже понедельник. Все, я ворон теперь, а не мельник. Чую ближе дыханье Чумы. Что задумчив сидишь, Вальсингам? Не по-русски вздыхают морозы. Слышь, слепи мне из снега две белые розы, чтобы бросить на счастье к любимым ногам. Это Черная Речка, oh yeah... Меткий выстрел в сердечко, oh yeah... Чтоб болело оно, чтобы помнило нечто. Любовь быстротечна, а смерть бесконечна, oh yeah... Эротический список этих сисок и писок, этих скромных кокоток и скверных коке-ток, и злобных блондинок, и добрых брюнеток... Эротический список...

ДЕРЖИ УМ ВО АДЕ

Человек живет, как трава растет, человеческий век — как у травы цвет. Налетает ветер — облетает цветик. Раз — и

больше нет... Жил-был человек, работал, устал. Лег в постель, поспать хотел, а после и не встал. Вот жил он жил и умер, постарел и умер — умер, и не встал. Мяконько от тела отлепилась душа, и сразу полетела в мир воздушный не спеша. Вот так она летела, плакала и пела, пела, чуть дыша. Плакала душа: «Здесь страшно мне одной. Куда теперь идти мне, где же ты, мой Бог родной? Покажи дорогу к Твоему порогу, милый Бог родной...» Держи ум свой во аде, и не отчаивайся. Держи ум свой во аде, и не отчаивайся. «Господи, в той жизни забывал я Тебя. В той скотской, блядской жизни я не думал про Тебя. В той собачьей жизни, в сучьей, волчьей жизни плюнул на Тебя. Господи, какой же тогда был я мудака — и все, что я ни делал, все я делал кое-как... Но в этой вечной жизни, в бесконечной жизни будет все не так. Боже,

разреши мне жить с Тобой в раю! Боже, покажи на мне всеблагодать Твою! Господи, помилуй, Господи, помилуй эту тварь Твою...» Говорит Господь: «А я тебе не рад. Ничего не знаю, топай прямо в ад. Ничего не вижу, ничего не слышу, шлепай прямо в ад...» Держи ум свой во аде, и не отчаивайся. Держи ум свой во аде, и не отчаивайся. «Ты помнишь ли, Андрюша, как тебя Я стерег? Так что ж ты свою душу для Меня не приберег? Слабенькую душу, маленькую, слушай, что ж ты не сберег? За таких, как ты, на небе стыдно Творцу. На таких, как ты, смотреть противно Отцу. Ты сам себя принизил, сам себя приблизил к этому концу...» Тяжело живут грешники в аду — кричат, скрипят зубами, кланут свою беду. Ах, что же это, что же, как же это, Боже, я туда пойду? Хлопнула дверь — нет нигде Отца. С каждой стороны по два каких-

то молодца... Лестничная клетка, черная отметка вечного конца... Держи ум свой во аде, и не отчаивайся. Держи ум свой во аде, и не отчаивайся. Радосте моя, услыши меня! В этом темном месте здесь только Ты одна. В этом стремном месте слышишь эту песню только Ты одна. Скоро, очень скоро Ты на помощь придешь. Ты скоро мне поможешь, скоро Ты меня спасешь. Я знаю, Ты все можешь, Ты мне поможешь, Ты меня спасешь. Радосте моя, Ты знаешь, что со мной. Нет, кроме Тебя, надежды никакой. Нет, кроме Тебя, защиты никакой, нет помощи другой. Ты все про меня знаешь, Ты Сама все поймешь. Ты им все расскажешь, Ты меня спасешь. Ты им все расскажешь, про меня расскажешь, Ты меня спасешь... Держи ум свой во аде, и не отчаивайся. Держи ум свой во аде, и не отчаивайся. ■

Короленко Псой Галактионович
28.2.02
168